

Жанна Пестова

*Мальчики
тоже плачут*

Жанна Пестова

Мальчики тоже плачут

«Издательские решения»

Пестова Ж.

Мальчики тоже плачут / Ж. Пестова — «Издательские решения»,

Мы знаем очень много — как работает компьютер, сколько времени лететь до Марса... И не знаем порой самого главного — как нам понять друг друга, как нам понять своих детей, как помочь им понять нас и самих себя...

© Пестова Ж.

© Издательские решения

Содержание

У мальчиков свои секреты	6
Другая жизнь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мальчики тоже плачут

Жанна Пестова

© Жанна Пестова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У мальчиков свои секреты

– Сын, что это? – вернулся с прогулки, под глазом намечается синяк.

– Фингал. – В глазах ни раскаяния, ни жалобы.

– Драться можно...

– ...только за правое дело. Я знаю, мам.

– И за что бились?

– Мама! Ты пекла оладушки?!

«Вот и поговорили» – Галина не стала настаивать на разговоре: все равно сейчас ничего не расскажет.

– Ладно, иди умывайся, и будем ужинать, вояка.

«Три дня назад была порванная курточка, сегодня синяк. А завтра? Чего ждать завтра? И что же такое происходит?» – размышляла Галина, прислушиваясь к звуку льющейся воды в ванной – не плачет ли? – и набивая в целлофановый пакет кубики льда.

Вот уж недели две с сыном творится что-то неладное. Галина, заметив это, начала к нему пристально приглядываться. Он почти перестал рассказывать о своих делах, на вопросы отвечает односложно и тут же старается перевести разговор на другую тему. Хотя раньше с готовностью и радостью рассказывал ей обо всех событиях, всех происшествιαх в своей жизни. Очередной возрастной кризис или что-то другое? Осторожный разговор с учительницей ничего не дал. «Очень хороший, серьезный мальчик, не задира, но и не тихоня. Очень самостоятельный». Все это она знала и сама. Самостоятельный, может быть даже слишком для своих семи с половиной лет. Она радовалась, что сын растет ответственным, она и хотела воспитать его таким мужчиной, какого бы хотела встретить сама. Увы, отец Славика этими качествами не обладал. Галина воспитывала сына одна. Ее собственный отец «выгнал» ее из дома, узнав о беременности: «Ребенок без мужа – позор». Мать ему не прекословила. Впрочем, выгнали ее из дома весьма условно, Галина и тогда уже жила отдельно и самостоятельно. Все, что ей было нужно от родителей – понимание и поддержка, больше моральная. После рождения Славика родители в приступе сентиментальности решились все-таки навестить внука. После их визита у Галины пропало молоко. Тогда она решила, что родителей у нее больше нет. Так и живут вдвоем со Славиком. Галине удалось избежать искушения многих одиноких мамаш «дать своему ребенку все» в материальном смысле. Она и сама нуждалась в любви, внимании и понимании, потому и Славика старалась не лишать этого. И до недавнего времени ей казалось, что у них с сыном вполне доверительные отношения. И вот...

Вид сына, с аппетитом уплетающего свои любимые оладьи со сгущенкой, чуть притушил тревогу: «Может, зря я сама себя накручиваю. Мальчишки без синяков не растут».

Утром тревога вернулась, а вместе с ней вернулись и сомнения. Лед не помог. Синяк все-таки проявился, но Славик категорически отказался его замазывать: «Что я девчонка, что ли?». На работу Галина пошла расстроенная. Ей был нужен совет, помощь, поддержка, но – ожидать этого было не от кого. А обсуждения своих семейных проблем на работе или просто со знакомыми, считай с чужими людьми, она не любила. И все же решилась на разговор с более опытными в семейных делах коллегами, всю дорогу обдумывая, как бы исхитриться сделать это так, чтобы никто не догадался о том, что именно ее волнует, что у нее возникли проблемы. Не хотела, чтобы ее жалели, осуждали ее сына, пусть даже за спиной.

Однако начинать разговор ей не пришлось. Марина Федоровна, старший бухгалтер, мать красавиц-близняшек, уже в дверях кабинета начала жаловаться:

– И не пойму я, девочки, ну что им еще нужно? Вроде ни в чем не отказываем, стараемся, чтобы все у них было не хуже, чем у других... И никакой благодарности. Да, что там

благодарности, просто понимания. Слова нормально не скажут, все как-то рывком, будто мы им прислуга, а не родители... Спрашиваю о чем-нибудь – отстань, ты все равно не поймешь, у нас свои проблемы.

– Ой, да какие у них проблемы! – Вера Михайловна как всегда высказывалась резко и безапелляционно. – С жиру они бесятся, детки нынешние! Захотели ролики – пожалуйста! Захотели компьютер – пожалуйста! Шубку-сапожки – пожалуйста! Родители из кожи вон готовы вылезти, чтобы только их деточка ни в чем не нуждалась, чтобы у их деточки было все самое лучшее. А где благодарность? Нету! И не будет. Эгоистов сами себе на шею растите. Вот и весь мой сказ. А потом плачетесь: ах, деточка с плохой компанией связалась, ах деньги и вещи из дома тащит на сигареты да на выпивку, а то и на наркотики, ах, деточка грозит из дому уйти...

– Вера Михайловна, зачем же обобщать? – вступилась Ирочка, самая молоденькая в их бухгалтерии. – Не все же такие. Я, например, никогда ничего лишнего у родителей не просила.

– Вот-вот, не все такие, – не унималась Вера Михайловна, – некоторые не просят, знают, что с родителей взять нечего. Они не просят, они сами берут. Недавно вот в нашем доме воров поймали, через балкон залезали, оглоеды. Мальчишкам по десять лет, а они уже наркотиками балуются. Денег, что родители на карманные расходы дают, не хватает, так они придумали, как добыть. Этих-то, ладно, поймали. А сколько ребят вымогательством занимаются. Их не поймаешь, нет... Вымогают у младших ребят деньги, да еще и запугивают, чтоб не жаловались.

Она говорила и говорила что-то еще, но Галина уже не слушала. Ей казалось, она получила ответ на свой вопрос: что происходит с ее сыном. «Конечно, как же я сама не догадалась, у него вымогают деньги, а он сопротивляется. Вот и синяки, и вещи порванные, конечно, в драке, и говорить не хочет. Может, проследить за ним, и самой наказать обидчиков? Только как это сделать, чтоб не заметно? Да и не навредит ли ему? Не будут ли потом ребята над ним смеяться? Надо все хорошенько обдумать...», – Она с облегчением выдохнула, наконец-то хоть какая-то, пусть призрачная, определенность, которая, как известно, всегда лучше неизвестности. Галина занялась рабочими делами, документами, стараясь не думать о своих проблемах, гоня их прочь, «на потом».

Она нарочно задержалась на работе, чтобы вернуться позднее обычного, вернуться, когда Славик гуляет во дворе. Придумала такой хитрый ход, и очень гордилась перед собой своей находчивостью.

Но ничего страшного она не заметила – ребята вполне мирно лепили из только что выпавшего снега снеговиков. Славик, увидев ее, радостно подбежал, взялся за ручку сумки с продуктами, помогая нести.

За ужином Галина продолжила свое тайное расследование.

– Знаешь, сын, нам зарплату обещали прибавить и премию дать, так что мы с тобой разбогатеем. Я подумала и решила выдать тебе тоже небольшую премию за хорошую учебу.

– Здорово, мам! Давай купим мне новый велик, такой у которого скорости переключаются, как у Валерки с пятого этажа.

– Давай. Только зачем тебе зимой велосипед? Велосипед мы ближе к лету купим. А сейчас чего тебе хочется?

– Не знаю, мам, я подумаю. Ладно?

– Хорошо. А может, я тебе просто денег дам, и ты сам купишь то, что захочешь?

– Не-е-е, мы лучше вместе....

Галина была удивлена и обрадована одновременно. Версия о вымогательстве рассыпалась: «Деньги не вымогают, это хорошо. Но что тогда? Может, дразнят, за то, что нет велосипеда или еще чего-нибудь. Говорят, у ребят сейчас принято оценивать друг друга по наличию каких-нибудь вещей. Но Славик так легко согласился, что велосипед купим к лету...».

На следующий вечер, она случайно услышала, как в догонку Славику, уже подходящему к своей квартире, мальчишки кричали: «А вот и нет!». А сын с какой-то отчаянной решимостью и настойчивостью кричал в ответ: «А вот и есть!»

– Это вы о чем? – поинтересовалась Галина?

– Да так, мам, ничего особенного...

Ничего особенного, а курточка опять разорвана.

– Слав, я тут подумала, а, может, мы сейчас тебе велосипед купим, пока деньги есть?

– Зачем? Что я на нем по снегу кататься буду? – И залился смехом, изображая, как он будет ездить на велосипеде по сугробам.

К утру у него поднялась температура, заложило нос. Пришлось оставить его дома, вызвать врача, отпрашиваться с работы. Врач внимательно осмотрел Славика, и никаких подозрительных вопросов ни к Славику, ни к Галине у него не возникло. «Значит, наркотики Славику не знакомы», – Галина с облегчением вздохнула, – а простуду мы вылечим».

«Нет худа без добра, – размышляла она после ухода врача, – зато весь день проведем вместе. Я отложу домашние дела и посвящу его Славику, и он не будет никуда убегать от меня по своим мальчишечьим делам». Ей было стыдно за такие мысли, она пыталась себя укорять: как не стыдно радоваться болезни? Но сейчас для нее важнее было понять, почему у сына появились от нее тайны и проблемы, настолько серьезные, что приходится пускать в ход кулаки.

– Мама, почитай мне... – слабый от болезни голос сына прозвучал почти жалобно.

– Что почитать, сынок?

– Там, на столе книжка, нам задали.

Галина нашла на столе книгу: Чехов «Ванька». Не рано ли для второго-то класса? И тут же пристыдила себя: до наркотиков, он, выходит дорос – сама подозревала недавно, а до Чехова – нет.

Села в кресло рядом с кроватью сына и начала читать. Славик слушал внимательно, даже не ворочаясь. Галине иной раз казалось, что он уснул, но нет, Славик слушал и просил продолжать, если она останавливалась. Дочитала. Славик молчал несколько минут, борясь с подступившими слезами. Наконец спросил всхлипывающим то ли от болезни, то ли от слез голосом:

– Мам, а дедушка приедет за Ванькой? Заберет его домой?

– Нет, сын, вряд ли.

– Почему? Он что ли не любит Ваньку? Ему что ли его не жаль нисколечки?

– Нет, сын, не в этом дело. Дедушка может и забрал бы Ваньку, но он даже не получит письма, не узнает, как тяжело тому живется.

– Почему?

– Потому что Ванька неправильно написал адрес. «На деревню, дедушке». Как ты думаешь, сможет почтальон догадаться, в какую деревню нести письмо?

Славик засопел, задумавшись, и обреченно помотал головой.

– Вот именно, что – нет. На деревню дедушке – это не адрес. В адресе надо было точно указать название деревни, где в какой области, в каком районе она находится, или, как тогда называли – губернии, волости. А так, письмо просто выкинули на почте. Ну. Может, еще посмеялись над адресом. Потому и появилось такое выражение – «на деревню дедушке» – то есть неизвестно куда. Слышал такое?

Славик промолчал, сосредоточенно глядя в потолок. Галина не стала тормозить его. Потрогала лоб, поправила одеяло и тихонько вышла из комнаты приготовить отвар.

Она никогда не рассказывала ему о его отце, о деде и бабушке. Со страхом ждала, что будет спрашивать, придумывала разные версии и боялась в них запутаться, когда дело дойдет до расспросов. Но Славик не спрашивал. И она не зная – радоваться этому или огорчаться – все медлила с разговором, все откладывала его. Пока однажды не выяснила, что Славику и не нужны ее объяснения, он сам себе все объяснил. Ему было тогда года три. В поликлинике чья-то любопытная мамаша начала расспрашивать: как его зовут, как маму, как папу. Галина тогда растерялась от неожиданности. А Славик спокойно ответил, что маму зовут Галей, а папу они с мамой еще не называли, и сам засыпал любопытную тетю вопросами. Вот так: еще не называли. На этом все разговоры о папе и закончились. Галина успокоилась. Но сейчас, после разговора о бабушке Ваньки подумала, что, может быть, зря лишила Славика деда и бабушки. Пошла на поводу своей обиды. Едва Славик научился ходить, переехала в другой город, благо подвернулся удачный обмен. Уехала, а точнее сбежала, в новую жизнь подальше от родных, от знакомых, ото всего, что напоминало ей о прежней жизни. Решила, что они со Славиком начнут свою новую жизнь, создадут свою собственную историю семьи. Никаких старых семейных фотографий, даже свои детские, школьные оставила у родителей. Никаких напоминаний о прежней жизни. «Может, все-таки стоит рассказать ему о родственниках? Но сможет ли он понять меня сейчас? И не будет ли слишком поздно потом? Да и как это сделать? С чего начать разговор?» – Галина терзалась вопросами, покручивая в разные стороны ручку ящика стола.

Ручка открутилась, гайка вылетела и закатилась куда-то в угол. Пришлось лезть доставать. Это немного отвлекло Галину от размышлений. На память пришли слова детской песенки: папа может, папа может все что угодно, только мамой, только мамой не может быть. «Но ведь и мама не может быть папой» – неожиданно вслух произнесла Галина и сама испугалась собственного голоса, прозвучавшего, как ей показалось, слишком громко. Заглянула в комнату: как там Славик. Сын спал. Волосы намокли от пота, облепив бледное лицо. Одежда готово упасть. Галина потихоньку подошла, поправила одеяло, подоткнула его под матрас. «Простуду мы вылечим, – мысленно успокаивала она сама себя, – а как быть с другими, неизвестными, мне проблемами? Может, если бы в доме был мужчина – если не отец, так хоть дед – было бы проще. Они поговорили бы по-мужски и нашли решение всем мальчишеским проблемам...». Она с интересом наблюдала за мимикой спящего сына: то оно сосредоточено, то вдруг стало спокойно-расслабленным. «Только где же его взять, мужчину-то? Его же в магазине не купишь и у добрых людей как котенка не возьмешь, – она пыталась иронизировать, потом, мысленно махнула рукой, словно подводя итог своим размышлениям, – Ладно, сами справимся! Справлялись же до сих пор. И дальше проживем одни. Не нужен нам никто! И мужчина у нас в доме есть – Славик. Не мужчина разве? Мужчина. Только маленький и больной, но это поправимо». Она наклонилась и легонько поцеловала его в лоб. Славик тут же проснулся, обхватил ее шею руками.

– Мамочка, посиди со мной – прошептал на ухо, обдав ее свои жаром.

– Конечно, мой хороший. Только отпусти меня.

Она села рядом с кроватью.

– Ты куда не уйдешь?

– Нет, не уйду. Сегодня куда не уйду. Ты спи, а я буду сидеть рядом.

Слабо улыбнувшись, он снова закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Галина сидела рядом с кроватью, смотрела на него и думала: «Господи, чего я себе только не напридумывала, не накрутила! Чуть ли не в преступники и наркоманы его записала. А он – просто ребенок. Он просто вырастет. Надо привыкать к тому, что с каждым днем все больше и больше у него будет своих дел, своих секретов». Она вспомнила себя в восьмилетнем возрасте и улыбнулась, понимая, что поводов для тревог и волнений будет еще очень и очень много.

Простуда прошла. Славик снова пошел в школу, снова стал по вечерам выходить гулять во двор. Галина старалась удерживать себя от излишне настойчивых расспросов, не требовать

от сына полного отчета о проведенном дне. Внимательно выслушивала все его рассказы. Ей очень хотелось быть хорошей матерью. Очень хотелось, чтобы он не боялся ее, не прятался, а доверял сам.

Звонок из школы застал ее врасплох. Учительница просила зайти для важного разговора: Славик избил мальчика.

– Мой сын избил мальчика? – Галина не могла поверить тому, что слышит. – Этого не может быть!

– Ну, не совсем избил, они подрались. Да, подрались. Но инициатором драки был Славик. Точнее он первым ударил.

Галина чувствовала, что здесь что-то не так, что учительнице самой неприятно говорить, потому она и запинаясь, словно говорит не то, что думает, а повторяет плохо заученный текст.

– И что? Мальчишки часто выясняют отношения с помощью кулаков. У них же возраст такой, они отстаивают свое достоинство так, как умеют. – Внешне Галина сохраняла спокойствие.

– Да, но... он ударил сына директора школы. – Нехотя выдавила учительница, и тут же, словно спохватившись, – Впрочем, это неважно. Объясните ему, пожалуйста, что отношения выяснять надо словами, а не кулаками. Мы пока не стали сообщать в милицию, не стали вызывать инспектора по делам несовершеннолетних, но вы должны ему объяснить сами... А если у Вас нет времени, нет возможности заниматься воспитанием сына, отдайте его хотя бы на продленку.

– Зачем же сразу инспектора? —опешила Галина, – Он что – отъявленный драчун и хулиган?

– Нет, что Вы... он хороший мальчик... но у них сейчас такой сложный возраст... тем более семья неполная... а дети из неполных семей нуждаются в особом внимании... Вы поймите, мы вас ни в чем не обвиняем, мы вам помочь хотим... Пока не поздно... за мальчиком нужен контроль. Продленка – лучший вариант. Подумайте.

Домой Галина шла, чувствуя себя оскорбленной и униженной. Ее обвинили в неумении воспитывать сына, в том, что она мало уделяет ему внимания. Обвинили несправедливо. При том, что учительница сама не дала себе труд выяснить причину драки, причину конфликта у ребят, выяснить тут же, по горячим следам.

Подходя к дому, привычно поискала глазами сына, обдумывая, как начать разговор. Ребята играли в снежки.

– Славик, домой!

– Сейчас, мам! – Сын продолжал метать белые снаряды в противников.

– Домой!

У подъезда она остановилась, оглянулась, поджидая сына. Славик бежал к ней, мальчишки что-то кричали ему вследа, а Славик бросал в них снежки. Галина прислушалась.

– Врешь! Врешь! У тебя его нет! Ты все врешь!

– О чем это они? – Строго обратилась к сыну Галина, входя в подъезд.

– Да, так, мам, ни о чем, это игра такая.

– Игра?

– Ага. – он побежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

– Так, что же это за игра такая? – Галина вернулась к разговору после ужина.

– Какая игра, мам?

– Это я у тебя спрашиваю, какая. Почему мальчишки кричали, что ты врешь?

– Ой, мам, ну это так... – сын замялся, было видно, что ей он не хочет врать, но не может сказать правду.

Но в этот раз Галина решила настоять.

– Что значит – так? Почему они называли тебя вруном?

Славик как-то обреченно вздохнул.

– Mam, у мальчиков свои секреты.

– Свои секреты? Из-за этих секретов меня сегодня в школу вызывали. За что ты избил мальчика?

Галина сама испугалась и собственных слов, и собственной интонации, но остановиться уже не могла, она все говорила и говорила... Славик сжался, забился в угол, словно пытаясь спрятаться от ее истерики. Галина с трудом взяла себя в руки.

– Вот посиди там и подумай о своем поведении. И не вздумай включать телевизор.

Вышла из комнаты в кухню, взяв с собой книгу. Она пыталась читать, но строчки прыгали перед глазами. Заставляла себя мысленно проговаривать написанные слова, но все равно – не понимала их. Книжка не читалась. Чтобы хоть немного успокоиться, решила принять душ. Проходя в ванную, заглянула в комнату: как там сын. Славик сидел за столом и что-то писал. Галина решила, что он делает уроки и еще больше рассердилась: до сих пор не выучил.

Приняла душ, выпила чаю, кое-как все-таки почитала книгу. Отправляясь спать, обнаружила, что сын по-прежнему сидит за столом и что-то пишет.

– Славик, пора спать, – сказала уже как можно мягче. Ей хотелось помириться, было нестерпимо жаль его, но она решила быть строгой, наказать его, не скрывая своей обиды.

Сын послушно встал, сложил свои бумаги, пошел умываться. Галина с трудом удержала себя от искушения заглянуть в его записи, проверить, что же он написал, как выучил уроки: «Пусть сам отвечает за свои поступки».

Она притворилась спящей. Славик, хлюпая носом, стараясь не шуметь, устроился в кровати, сам себе пожелав спокойной ночи. Промучившись ночь в полубессонном забытьи, устав от надуманной строгости, Галина решила встать пораньше и проверить уроки сына. Все было сделано аккуратно и правильно – все как всегда. Успокоенная, она стала аккуратно складывать тетради, чтобы сын ничего не заметил. На пол выпал конверт. Галина подняла. Конверт не запечатан. Преодолевая отвращение и стыд, она все же достала письмо. Почерк Славика.

«Здравствуй, бабушка! Мы очень ждем тебя в гости. Я знаю, у тебя много дел, но я могу помогать тебе. Правда, правда. Я многое умею. Даже макароны варить и пуговицы пришивать. Меня мама научила. Я буду делать все, что ты скажешь. Ты только приезжай поскорее, пожалуйста. А подарков мне не надо, никаких. Я тебя просто так люблю. И очень жду. И мама ждет, она не говорит, но я знаю. Она очень переживает, что мы одни живем, что мы потерялись. А ребята во дворе не верят, что у меня есть бабушка. Они смеются надо мной, дразнят, и обзывают нас с мамой подкидышами. А это не правда. Нас же никто никуда не подкидывал, правда? Я дерусь с ними, чтоб не дразнились, а мама меня ругает. Она хорошая, добрая. Она же не знает, почему я дерусь. Бабушка, миленький, приезжай поскорее, пусть все ребята увидят, что ты у нас есть, что я не вру. Мы тебя очень любим».

Галина читала письмо, стыд, жалость, недоумение сменяли в ее душе друг друга: «Но как, как он нашел деда? Как он вообще узнал о нем?».

Она перевернула конверт, на котором старательно прорисованы цифры индекса и крупными печатными буквами написан адрес: Вологодская область. Город Великий Устюг. Деду Морозу.

Другая жизнь

...Запах помойки. Навязчивый. Стойкий. Откуда он? Санитарка только что закончила уборку, да и клиника эта хорошая, здесь не может быть никаких таких запахов. Уж если и стать какому-то запаху навязчивым, так это запаху хлорки, а не помойки. Почему же он преследует меня? Может доктор прав: так пахло от нападавших? И это единственная примета... Не надо вспоминать, не надо думать об этом. Мне нельзя волноваться. Надо выздороветь. Главное, что Ванька не пострадал. Ванечка, сыночек мой, как же я соскучилась... все правильно, пусть пока поживёт у бабушки. Ему не надо видеть меня такой: в бинтах, ссадинах... Зачем его пугать? Хорошо, что он не пострадал. Хотя... Видеть, как твою мать калечат, почти убивают из-за телефона и нескольких сотен рублей... Ничего, бабушка поможет ему забыть этот ужас. Дети они быстро забывают... Я буду лечиться, скоро выздоровею. И мы снова будем все вместе... И всё будет как прежде. Всё будет как прежде...

*

– Васятка, просыпайся, пора на работу, а то без нас всё разберут. Что мы тогда с тобой есть будем?

– Я не сплю, дядь Юр.

Мальчик сладко потянулся, ему снилось что-то непонятно-приятное, он не мог вспомнить что именно, но ощущение от сна не хотелось отпускать. Встал с самодельной лежанки, привычно сворачивая драный матрас. Вышел на улицу и зажмурился, замер в восхищении. Солнце словно бы решило заполнить золотистым светом все вокруг, пробиваясь сквозь утреннюю осеннюю дымку, отражаясь многочисленными бликами от разбросанных тут и там полиэтиленовых пакетов, от крыш домушек.

– Дядь Юр, смотри, как красиво!

– Красиво, – подтвердил дядя Юра, снимая чайник с костерка. – Да, Васят, красота – вещь относительная. Вот ты её везде видишь, чувствуешь, а другой посмотрит и только фыркнет: чего ж здесь красивого? – убожество, одно слово – свалка.

Мальчик умылся солнечной водой из старого блекло-желтого пластмассового таза. Ему представилось, что это солнышко налило её и согрело своими лучами. Хотя, конечно, налил воду дядя Юра. С водой на свалке туго, но дядя Юра говорит, что на чистоте не экономят, покупает воду и заставляет Васятку умываться. Дядя Юра, он вообще странный, не похож на других мужчин. От других пахнет бедой, Васятка их остерегается, а дядю Юру любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.